

КАМЕРАЛИЗМ КНИГ: ПЕРЕВОДЫ ЮСТИ В РОССИИ XVIII ВЕКА¹

Данила Евгеньевич РАСКОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия;
старший научный сотрудник,
Лаборатория актуальной истории РАНХиГС,
г. Москва, Россия,
e-mail: danila.raskov@gmail.com

Цитирование: Расков, Д. Е. (2019). Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века // *Terra Economicus*, 17(4), 62–79. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-62-79

*Камерализм как учение и практика соответствует эпохе меркантилизма – XVI–XVIII вв. – условному периоду, когда экономическая мысль перестала быть средневековой, но еще не стала политической экономией. Последнее время данное направление, корпусы текстов об искусстве и науке управления стали все активнее подвергаться ревизии и актуализироваться. Предмет статьи – переводы на русский язык второй половины XVIII в. книг самого знаменитого камералиста этого периода – Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти (1717–1771). Выявленные переводы Юсти по камеральным и полицейским наукам, по развитию промышленности образуют огромный массив текста более чем в три тысячи страниц. Юсти – самый переводимый на русский экономист XVIII в.; при этом удалось также показать, что не французские, а именно русские переводы оказались самыми масштабными для самого Юсти. Кроме сличения текстов с оригиналами, выявления терминологической стратегии переводчиков и пристального внимания к любым сокращениям, добавлениям и предисловиям, особое внимание было уделено поиску информации о самих переводчиках, об обстоятельствах, связанных с организацией и оплатой перевода. Книги были подготовлены в двух главных академических центрах – Московском университете и Петербургской академии наук. Их перевод отличался, за редкими исключениями, полнотой и буквализмом. В основном в них отсутствовала научная проработка, т.е. они были только переводами без полемики, содержательных предисловий и дополнений. Большие тиражи и роскошный тип издания говорили о том, что они ориентировались на широкую публику и осуществляли символическую функцию «просвещенности». На примере термина *Polizei* показана стратегия переводчиков, которые справедливо пытались придать «полиции» более широкое значение и переводили как благочиние, благоустройство, добронравие, из-за чего текст перевода становился еще более нормативным.*

Ключевые слова: камерализм; Юсти; переводы; XVIII век; Россия; полиция

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-01080 «Камерализм в России XVIII–XIX веков: экономическая практика и академическая дисциплина».

CAMERALISM OF BOOKS: JUSTI'S TRANSLATIONS IN THE EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIA

Danila E. RASKOV,

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
St. Petersburg State University;
Senior Researcher,
Laboratory of Actual History,
RANEPa,
Moscow, Russia,
e-mail: danila.raskov@gmail.com

Citation: Raskov, D. E. (2019). Cameralism of books: Justi's translations in the eighteenth-century Russia. *Terra Economicus*, 17(4), 62–79. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-62-79

*Cameralism as a doctrine and practice corresponds to the era of mercantilism – the 16th–18th centuries – the period when economic thought ceased to be medieval but has not yet become political economy. Recently, this direction in economic thought, the corps of texts about the art and science of management and economics, have become more actively revised and updated. The subject of the article is the translation into Russian in the second half of the 18th century of the books of the most famous cameralist of this period – Johann Heinrich Gottlob von Justi (1717–1771). Revealed translations of Justi on cameral and police sciences, on industry development form a vast array of texts of more than three thousand pages. Justi is the most translated Russian economist of the 18th century, and it was also possible to show that not French, but Russian translations turned out to be the hugest for Justi himself. In addition to comparing the texts with the originals, identifying the terminological strategy of the translators and paying close attention to any abbreviations, additions and introductions, special attention was paid to finding information about the translators themselves, about the circumstances associated with the organization and payment of the translation. Books were prepared at two major academic centers – Moscow University and St. Petersburg Academy of Sciences. Their translation was distinguished, with rare exceptions, by its completeness and literalism. Basically, they lacked scientific elaboration, i.e. they were only translations without controversy, informative forewords and additions. Large circulations and a luxurious type of publication indicated that they were oriented towards the general public and carried out the symbolic function of “enlightenment”. The term *Policei* shows the strategy of translators who rightly tried to give the “police” a broader meaning and translated as good order, good organization and good morals, which made the translation text even more normative.*

Keywords: *Cameralism; Justi; translations; 18th century; Russia; police*

JEL classifications: *B11, B31*

В 1763 г. в журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» Императорской академии наук² вместе с первым переводом книги Юсти в разделе «Германия» появился настоящий панегирик этому плодовитому камералисту: «Господин фон-Юсти

² См. отдельную публикацию, в которой описываются экономические трактаты, опубликованные в журнале «Ежемесячные сочинения» за его десятилетнюю историю: (Готовцева, 2017).

есть ныне один из прилежнейших писателей в Германии, а о книгах его можно с правдою сказать, что оне общепользны, и сочинены изрядным порядком, ясным и приятным штилем. Он старается о действительной пользе человеческого общества и о приведении государств в цветущее состояние. Он чинит предложения к исправлению законов, к распространению коммерции и мануфактур, к умножению государственных доходов, к сподешествованию внутренней безопасности и способности, к наставлению в добрых нравах и в добродетели. Он изъясняет иногда полезные материи, до Натуральной науки, до Химии и до рудокопного дела касающиеся. Едва можно себе представить, как один человек столь много книг в малое время сочинит и издавать может» (Германия, 1763: 91–92). Кроме предуведомления читателя с восхвалением «фон-Юсти», приводится список из 20 его книг и в четырех выпусках – за июль, сентябрь, октября и декабрь – печатается перевод его трактата о пользе фабрик и мануфактур (Юсти, 1763а; 1763б; 1763с). Читателя не мог не поразить удивительный кругозор Юсти: от деревенской экономики, камеральных и полицейских наук, государственных финансов до юридических наук, химии, секретов приготовления красок и сатирических рассказов³. В коротком представлении цели трактатов Юсти обозначены как польза, умножение доходов и добрые нравы.

Иоганн Генрих Готлиб фон Юсти (1717–1771) – пожалуй, самый известный и плодотворный автор, который в XVIII в. представляет камеральные науки. Трактаты и деятельность Юсти синтезируют в нем тот тип камералиста, который как описывает, учит и наставляет, так и сам практикует, предпринимает, контролирует и делает. Юсти – «талантливый организатор литературного материала» – подвижник и организатор, проектор и предприниматель, служит в Вене, Гёттингене, Алтоне, Гамбурге и Берлине. Карьера Юсти начинается в саксонской армии, он обучается в Виттенберге (1742–1744), с 1745 г. начинает публиковать собственный журнал, а в 1747 г. выигрывает премию Королевской академии Пруссии за текст, в котором критикует монадологию Лейбница и естественное право Вольфа. В 1750 г. едет в Вену чтобы возглавить одну из кафедр академии Терезианум, затем вынужден переехать в Лейпциг. С 1755 г. в Гёттингене он одновременно читает курсы по камеральным наукам и занимает должность главного полицейского надзирателя (Ober-Policey-Comissar), наблюдая за моралью преподавателей. С 1757 г. Юсти уже независимый писатель в Дании. Наконец, в Пруссии он удостоивается должности инспектора горных шахт, стекла и сталелитейной промышленности, впоследствии за растрату его заточают в крепость Кюстрин, где в 1771 г. он и находит свой последний покой (см.: Reinert, 2009).

Тема камерализма приобрела в последние годы новое звучание. Жаркие дискуссии ведутся и относительно вариантов интерпретации наследия Юсти. Если несколько упростить аргументы, то одна сторона больше внимание обращает на камеральные науки как особую форму знания о государственном управлении и экономике, которая в своем развитии предвосхищает политическую экономию и науки о государстве Нового времени. В этом свете фигура Юсти приобретает большую значимость и масштаб: Ульрих Адам и Юрген Бэкхауз обращают внимание на Юсти как предтечу политической экономии (Adam, 2006; Backhaus, 2009); Эре Ноккала в книге «От естественного права к политической экономии: Юсти о государстве, торговле и международном порядке» показывает разнообразные направления в доктринах Юсти, которые тем не менее через естественное право, особое понимание полиции и искусства управления сходятся в новом типе науки о государстве (Nokkala, 2019). Тем самым, согласно этой линии интерпретации, камерализм рассматривается как академическая дисциплина, наиболее важным контекстом которой становится университет и знание. В послевоенное время такой взгляд на камерализм убедительно отстаивал Кейт Трайб (Tribe, 1988; 2006). К этому же направлению можно отнести и обширный, обобщающий трактат Пьеранжело Скьера «Камерализм и немецкий абсолютизм»,

³ Современные биографы Юсти классифицируют его работы по следующим направлениям: литература, философия, естественные науки, прогресс научного знания, технология, сельское хозяйство, история, право и сравнительная политика, этнология, и, наконец, экономические и камеральные науки (Reinert, 2009: 50–52).

в котором показывается, что в политических, социальных и экономических науках камералисты все более приближались к модернизации, в рамках которой происходил переход от искусства управления к науке о государстве (Schiera, 1968).

Вторая линия связывает камерализм и, соответственно, фигуру Юсти с административной, бюрократической практикой, которая родилась из возрастающих потребностей в доходах и правильном управлении со стороны маленьких княжеств и государств Германии. Так, Марк Раев в своей фундаментальной книге «Хорошо управляемое полицейское государство. Социальные и институциональные изменения через право в Германиях и России» (Raeff, 1983)⁴ показывает удивительную схожесть в указах, постановлениях и самом духе реформ в Германии и России. Основным источником знания для него являются различного рода указы и узаконения. С этим подходом полностью соглашается современный историк Андре Уэйкфилд, который в книге «Беспорядочное полицейское государство. Немецкий камерализм как наука и практика» представляет немецкий камерализм, прежде всего, как орудие пропаганды и оправдания политики государства (Wakefield, 2009). При этом именно неудачная практическая деятельность Юсти в Пруссии становится предметом архивных изысканий и неутешительных выводов американского ученого о слабости самой концепции камеральных наук, которая служила, по его мнению, лишь ширмой для коррупции, растаскивания казны и удержания статус-кво правителя. Юсти предстает как фискальный пропагандист.

Тем самым разбор судьбы трактатов Юсти в России в XVIII в. следует поставить в контекст изучения камерализма как учения и практики, характерной, прежде всего, для немецких абсолютистских государств XVII–XVIII вв.⁵ В данной статье придется ограничиться лишь самыми общими замечаниями по этому поводу и большее внимание уделить обстоятельствам появления и качеству переводов Юсти, показать, насколько удивительно популярным стал Юсти в России в эпоху Екатерины II. Кроме выявления и сверки переводов с оригиналами, представит интерес оценка их полноты и степени академичности. Отдельное внимание будет уделено фигурам переводчиков, значению и востребованности изданий Юсти на русском языке в политическом и академическом контекстах.

Камерализм как учение и практика

Камерализм в самом общем смысле может быть понят как система взглядов, университетская дисциплина и административная практика. В истории экономической мысли под камерализмом часто понимали немецкую версию меркантилизма. Вместе с тем это явление было характерно и для более широкого европейского контекста: Австрии, Швеции, Северной Италии и России. Хоть большая часть текстов была написана на немецком и значение его для Саксонии, Пруссии, Пфальца, Магдебурга и Мекленбурга несравненно выше, все же есть основания полагать, что эта эпоха, явление и строй мысли имеют более широкое универсальное значение. Камеральным наукам повезло в чем-то больше, а в чем-то меньше, чем меркантилизму. *Cameral-Wissenschaft, Policeywissenschaft, Staatswirthschaft* в буквальном смысле существовали в отличие от mercantile system⁶. Меньше же в том отношении, что меркантилизм стал более известен и изучен благодаря тому, что его связывали с успехами таких стран, как Голландия и Англия. Камерализм имеет много пересечений с другими понятиями, с помощью которых покрываются различные аспекты Нового времени: просвещение, модернизация, строительство национальных государств, патриотизм, рационализация, секуляризация, бюрократия, барочная культура, естественное право и эвдемонизм.

Камерализм и камеральные науки, безусловно, наибольшее распространение нашли на территории немецких государств и княжеств. Немаловажным было и то, что эти

⁴ См. также (Raeff, 1975).

⁵ В этой связи см. актуальное прочтение камерализма: Зубков, 2013.

⁶ Примечательно, что вполне убедительна точка зрения, что первые кафедры политической экономии появились в Германии, в Галле и Франкфурте-на-Одере, в начале XVIII в.: раньше, чем в Неаполе, Париже или Глазго (Расков, 2019).

государства нуждались как в практиках, так и в теориях, которые бы помогли в новых условиях ослабления власти католической церкви (Реформация), в условиях частых войн и разорения (Тридцатилетняя война) выстраивать внутреннюю и внешнюю политику и способствовать изменениям и развитию. Во многом стоит согласиться с Маркусом Сандлом, который после сравнительного теоретического исследования места риска и случайности в трактатах камералистов приходит к выводу, что «очень трудно определить самую суть камеральных наук», но «само изменение стало принципом камералистов, а знание стало способом дать изменениям шанс» (Sandl, 2016: 148).

Одним из первых открывателей камералистики для англосаксонского мира стал Албион Смолл. В книге «Камералисты. Пионеры немецкой социальной политики» (1909) он дал общую панораму и представил наследие наиболее известных камералистов. Книга выходит до двух мировых войн, до появления национал-социализма. Интерес к трактатам сочетается с общим интересом к немецкому ведению дел: «их работы содержат в зародыше все, что сделало немецкую систему сегодня наиболее эффективным экономайзером национальной энергии в мире» (Small, 1909: XV). Он вводит разделение на «камералистов книг» и камералистов-практиков («cameralists of bureaux»), стараясь их синтезировать. Смолл подчеркивает, что камералисты в большей степени занимались *политикой*, чем экономикой, беспокоились не только о благосостоянии, но и о морали, их идеи выросли из потребностей *администрирования*, управления, а не академических задач (Small, 1909: 83, 89, 106).

Камерализм воплощался и на практике в конкретных мерах, к которым относят заботу о здоровье и безопасности, создание больниц и домов призрения, поддержание фертильности через браки и разводы, создание специальных условий для иностранных мигрантов, религиозную толерантность, контроль за ценами. Такой подход, во многом продолжающий Раева, реализован в сборнике о Северной Европе «Камерализм на практике» под редакцией историка из Тарту Мартена Зеппеля (Seppel, Tribe, 2017).

Коль скоро речь идет о текстах Юсти и его переводах на русский язык, то главным вектором понимания камерализма для данного очерка следует признать «камеральные науки», «камерализм книг». Вместе с тем сама биография Юсти показывает, что гораздо более плодотворно понимать это явление более цельно: и как учение, и как практику.

Переводы Юсти: общие замечания

Подготовка и выпуск переводов книг камералистов в России второй половины XVIII в. – явление заметное и требующее дополнительного изучения. Начиная с 1760-х гг. выходят переводы книг Юсти, Бильфельда, Зонненфельса (Юсти, 1763–1882; Бильфельд, 1768; Зонненфельс, 1787). Очевидно, что значение публикаций этих текстов выходит за рамки придворного (Бугров, Киселев, 2016). Вместе с тем их массовость и расчет на более широкую публику еще не свидетельствуют об их академическом характере. Они в определенном смысле служат поддержкой и оправдывают реформы эпохи Екатерины II. Два основных центра академической жизни – Императорская академия наук и Московский университет играют заметную роль в работе над переводами камералистов. Они появились одновременно с текстами Томаса Калпепера, Верона де Форбонне, Фердинандо Галиани, Давида Юма, Жана-Франсуа Мелона, Пьетро Верри (Clendenning, 1972).

Трудно сказать однозначно, какую практическую роль они имели. Часто это были неполные переводы. Далекое не всегда на русском языке создавалось равновеликое произведение, терминология еще не устоялась. В большинстве случаев подготовленному читателю было проще понять немецкий или французский оригинал. С 1760-х гг. переводы выходили достаточно массово – изданиями более тысячи экземпляров, само количество переводимых текстов также было весьма ощутимо. В последнее время интерес к переводам растет не только со стороны тех, кто изучает литературу (Рак, 1998), но и со стороны историков экономической мысли. Внимание обращают на добавления,

комментарии, выбор дополнительных источников, подготовленные предисловия. Это отражает процесс распространения знания, трансграничной циркуляции идей модернизации и Просвещения как в рамках *République de Lettres*, так и для более широкой аудитории (Alimento, 2014; Reinert, 2011).

В 1760-е гг. камерализм в России оказывается в центре внимания. Переводы иностранных книг по политико-экономической тематике совпадают с периодом правления Екатерины II. Самым переводимым автором из камералистов стал Юсти. За этот период переведено четыре его произведения, одно из которых даже печатается повторно. Тратат о мануфактурах и фабриках выходит в четырех выпусках журнала «Ежемесячные сочинения»⁷, теоретическое сочинение *Die Natur und das Wesen Staaten* выходит дважды (Юсти 1770; 1802), третья – *Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten* – в отличие от оригинальных двух томов выходит на русском в четырех томах; наконец, четвертое издание Юсти – *Der Handelnde Adel* – само является переводом на немецкий с французского языка, к которому Юсти добавил собственное небольшое предисловие. Объем переведенного наследия Юсти колоссален, он превышает три тысячи страниц.

Эрик и Хьюго Райнерты попытались описать полную библиографию Юсти: «Эта библиография насчитывает 67 книг и семь периодических изданий, которые писались и редактировались Юсти. В добавление имеется 13 переводов на пять языков: французский, испанский, голландский, русский и английский. Мы находим особенно примечательным, что 13 переводов были сделаны с восьми разных книг Юсти» (Reinert, Reinert, 2009: 19). Авторы библиографии учли три издания Юсти на русском (Юсти, 1766; 1770; 1802). Следует же их дополнить четырьмя томами (Юсти, 1772; 1775; 1777; 1778) и серией журнальных публикаций в «Ежемесячных сочинениях» (Юсти, 1763). Переводы на русский язык при таком дополнении выйдут на первое место по значению и охвату творчества Юсти и могут быть сравнимы только с переводами на французский.

Юсти и «Торгующее дворянство»

Имя Юстий появляется на обложке книги «Торгующее дворянство». В 1766 г. в переводе Дениса Фонвизина – автора знаменитого «Недоросля» – выходит первая часть книги «Торгующее дворянство противоположенное дворянству военному, или Два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства, чтобы дворянство вступало в купечество? С приложением особливого о том же рассуждения г. Юстия» (Юсти, 1766). Перевод данной книги с немецкого на русский является хорошим примером циркуляции идей в Европе того времени, интеллектуальной частью которого все больше становилась Россия. Книга под названием *La noblesse commerçante* аббата-иезуита Габриэля-Франсуа Куайе (Gabriel-François Coqueret, 1707–1782) в поддержку участия дворян в торговле была издана во Франции. Она имела громадный успех: за год выдержала четыре издания, была быстро переведена на испанский, итальянский и немецкий языки. Чуть менее популярным стал ответ Филиппа-Огюста де Сан-Фуа Шевалье (Philippe-Auguste de Sainte-Foix Chevalier, 1721–1779) в поддержку военного дворянства *La noblesse militaire* и последующий ответ аббата. Затем эти книги публиковались под одной обложкой. Юсти снабжает книгу комментарием и переводит на немецкий язык (Justi, 1756). В 1766 г. на русском издается лишь первая часть Куайе в поддержку торгующего дворянства с коротким предисловием Юсти, в котором он однозначно высказывается в пользу коммерции. Юсти исходит из предпосылки, что истина патриотична, но именно из патриотических соображений считает, что полезно было атаковать предрассудок о военном предназначении дворянства еще 300 лет на-

⁷ «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» печатаются в Императорской академии наук в Петербурге по инициативе и под руководством Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783). Для 1763 г. выход перевода книги Юсти о пользе ремесел и производства товаров становится самой большой и значимой экономической публикацией. Юсти высказывается за то, чтобы производители воздерживались от розничной торговли, предоставляя это купцам, государство не взымало слишком большие подати, чтобы поддерживать трудолюбие, и устраивало денежное обращение, а полиция способствовала спокойствию, порядку и здоровью всех.

зад, когда в Германии был силен Ганзейский союз, поскольку для военного дела достаточно усилий и десятой части дворянства. Если бы это произошло, то Германия могла бы процветать за счет колониальной торговли не хуже Испании, Португалии и Великобритании (Юсти, 1766: I–VI).

Почему часть про военное предназначение аристократии не была напечатана, нет достоверных сведений. Это можно считать фактом, в отличие от того, что переведена была вся книга, как настаивают некоторые исследователи (Kamendrowsky, Griffiths, 1978: 202). В отчете Академии наук за 10 апреля 1766 г. значится, что «*титularный советник фон Визин в канцелярию Академии Наук при доношении представил перевод с той книги называемой Торгующее дворянство первую часть и требовал, чтобы за оную выдали пятьдесят рублей да и за прочия эти части книги по подаче от него манускрипта заплатить ему по толикому же числу за каждую часть, а при том объявил, что он же переводить будет Юстиеву науку о полицейских делах, состоящую в четырех частях и за каждую б часть по переводе выдать бы ему по пятидесяти же рублей*»⁸. Тем самым есть достоверные сведения о том, что рукопись первой части поступила примерным объемом девять печатных листов и за нее было выплачено 50 рублей. Сведения о переводе еще двух частей, так же как и желание переводить Юсти, отражают лишь намерения Фонвизина. В канцелярии Академии наук есть также сведения о том, что по прошествии семи месяцев в октябре 1766 г. в типографии Академии был отпечатан тираж в восьмую долю 1200 экземпляров, из которых 1100 на обычной бумаге, а 100 на особой, «любской» бумаге. При этом на набор и печать было израсходовано 138 руб. и 75 копеек, или 11 копеек и три четверти за экземпляр⁹.

Видно, что в общих расходах по изданию книги перевод занимает чуть более четвертой части, при этом источником оплаты названы средства, вырученные с текущей продажи книг. Тот факт, что 100 экземпляров были отпечатаны на особой, более дорогой бумаге, говорит, что эти экземпляры предназначались для подарков, а также могли служить символическим объектом, необходимым для убеждения элиты в правильности политического решения о поощрении дворян быть коммерсантами. Как известно, незадолго до этого Петр III в 1762 г. освободил дворянство от обязательной военной службы, которая была введена Петром I, поэтому было, видимо, политически важнее акцентировать внимание именно на пользе для благополучия государства от торговых операций аристократии и в более широком контексте на пагубности предрассудков в отношении торговли. Книга также уравновешивала известную в России позицию Монтескье о пользе для стабильности просвещенной монархии независимости аристократии от торговли и готовила к правильному восприятию реформы Уложения (Adam, 2009). Согласно одному из предположений, идею перевода инициировал граф Никита Панин, который возможно сам имел «камералистское видение» (Kamendrowsky, Griffiths, 1978: 208; Ransel, 1975: 147–149).

В случае с переводом книги в защиту торговли дворянства четко фиксируется готовность подражать немцам, которые, в свою очередь, подражают французам. Данный случай чем-то напоминает перевод на итальянский английский книги о торговле Джона Кэрри, который выполнил Антонио Дженовези по французскому изданию Бютель-Дюмон. В результате примечаний и дополнений Дженовези включил в третий том трактат Томаса Мана о внешней торговле, Навигационный акт – текст увеличился по сравнению с оригиналом в десять раз, превратившись в трехтомный компендиум в полторы тысячи страниц по политической экономии (Reinert, 2011: 198). В переводе Фонвизина мы видим обратную операцию – трехкратное сокращение немецкого текста без каких-либо дополнительных добавлений и комментариев. Выбор не французского оригинала, а именно немецкого текста показывает, что подражать немцам считалось правильным, а предисловие Юсти пользовалось авторитетом.

⁸ Архив Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал (АРАН СПб), Фонд 3, Опись 1, Апрель 1766. Л. 280.

⁹ Там же. Л. 283.

Переводчики книг Юсти

В 1770 г. в типографии Московского университета, которую изначально курировал граф И.И. Шувалов, выходит перевод книги Юсти *Die Natur und das Wesen der Staaten* (Justi, 1760). Он с небольшой доработкой переиздается в 1802 г. За период с 1756 по 1800 г. в типографии университета было напечатано 2709 книг (Мельникова, 1966). Перевел текст Авраам Степанович Волков (1730–1803). Он происходил из дворянской семьи, имел крепостных, сначала поступил в Сухопутный шляхетский корпус, в библиотеке которого, попутно заметим, была хорошая подборка книг Юсти на немецком, служил в Сенате переводчиком (Сазонова, 1988). Перевел ряд книг, относящихся к масонской литературе. В конце жизни был вице-президентом Медицинской коллегии, чем может быть объяснен тот на первый взгляд необычный факт, что второе, усовершенствованное издание выполнено в типографии Медицинской коллегии. Как таковое предисловие отсутствовало, лишь переводчик уведомлял «благосклонного читателя» о ряде замеченных ошибок и просил «великодушного снисхождения» за возможные погрешности. В книге Юсти показывалось, что государственное благосостояние держится на вольности, безопасности и внутренней силе, которые зависят от незыблемости недвижимой собственности, поощрения торговли и нравственности подданных.

Самое крупное издание Юсти готовится в Петербурге в Академии наук и выходит в 1772–1778 гг. Перевод *Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten* выполнил Иван Иванович Богаевский (1750 г. р.) – сын священника, выпускник академической гимназии и Московского университета, который переводит в рамках поручений чиновника в различных подразделениях Академии наук (Мартынов, 1988). Сохранилось 14 расписок за оплату перевода Богаевским Юсти на общую сумму 2507 руб. – колоссальную по тем временам сумму (Семенников, 1913: 41). Фонвизин для сравнения запрашивал всего 200 рублей, по 50 за том. В одном из ранних переводов Богаевский называет Никиту Панина «основателем своего благополучия», что вместе с великой суммой дает основания думать, что данный перевод не мог появиться без серьезной властной поддержки. В результате своей работы переводчиком Богаевский получает в 1778 г. чин титулярного советника, а в 1780 г. – надворного советника, который дает ему право на потомственное дворянство.

Нелишним будет сказать, что данный перевод книги Юсти был выполнен для «Собрания старающегося о переводе иностранных книг», учрежденного лично Екатериной II и просуществовавшего с 1768 по 1783 г. Первым переводом «собрания» стало сочинение прусского короля Фридриха II «Рассуждения о причинах установления или уничтожения законов», затем переводили Вольтера, Монтескьё, Беккариа. За все время существования было подготовлено 112 названий, составивших 173 тома (Семенников, 1913). Кроме авторов Нового времени переводились греческие и римские авторы, книги по истории и географии, труды по математике, физике и другим естественным наукам; печатались и пьесы для театра.

Стратегия перевода: полиция как благочиние и благоустройство

На примере данного перевода уместно коснуться характера передачи терминологии, особенно в связи с тем, что через 30 лет во втором издании некоторые фразы в переводе были поправлены. Начнем с названия. В полной версии немецкое название *Die Natur und das Wesen der Staaten, als die Grundwissenschaft der Staatskunst, der Polizey und aller Regierunge wissenshaften, desgleichen als die Quelle alle Gesetze abhandelt* (Justi, 1760) на титуле перевели как «Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов», на странице после оглавления как «Изображение существа народных обществ и естественного оных состояния, или Основательное знание мудрости правления, гражданства и всякого правительства». Буквальный же современный перевод давал бы: «*Природа и сущность государств, или О научных основах искусства управления государством, о науке полиции и правления, или изучение*

происхождения законов». Тем самым в самом названии фактически оговаривается, что речь в книге идет о государстве, искусстве и науке управления, о полиции, законах и их происхождении. Staaten же передается как «народные общества», Polizey как «гражданство».

Небольшой словарь выбора терминов переводчиками дает следующую картину. Glückseligkeit переводили как благосостояние, благополучие, благоденствие, Polizey¹⁰ – благочиние, благоустройство; Polizeywissenschaft – государственное благочиние, Polizey Gesetze – благоустройственные законы, или законы благоустройства, Polizey-Direction – правление благоустройственных дел, Gemeinschaftlichen Besten – общее благо, Freiheit – вольность. Во втором издании уточняется перевод типов правления: отделение о монополии переводится уже не как «О единоначалии», но «О монархии или единовластии», отделение об аристократии – не «О многоначалии», но «О аристократии или вельможевластии», о демократии – не «О народоначалии», но «О демократии или народовластии». Из этого последнего примера видно, что терминология еще не устоялась.

Вчитаемся в более обширные части перевода. В главе о гражданских законах в параграфе 253 первого издания перевода Юсти объясняет главные цели законов: «Свойственное¹¹ конечное намерение как гражданских, так и наказательных законов состоит в безопасности гражданина, нетокмо в рассуждении его лица, прав и вольностей, но и имения его; общественное благоденствие, сие всеобщее конечное всех государств или народов намерение, из коего яко из высочайшего его закона, все прочие уставы проистекать должныствуют ... утверждается особливо на трех главных понятиях, на вольности, безопасности и на внутренней силе» (Юсти, 1770: 358; Юсти, 1802: II, 244–245). Со свойственной ему назидательностью и многословием Юсти еще несколько раз повторяет тезис, что благосостояние государства основано на вольности, безопасности и внутренней силе (Юсти, 1770: 370). Совершенно не случайно на первое место Юсти помещает вольность или свободу, а не безопасность и силу. Юсти не скрывает, что на его мировоззрение существенное влияние оказал Монтескьё и его книга «О духе законов», которая в переводах Юсти звучит как «О разуме законов». В индексе, который помещен в конце немецкого издания (Justi, 1760), Монтескьё – это самый упоминаемый автор, индекс содержит 13 отсылок к разным частям текста. Из индекса становится также ясно, что образцом для Юсти, как и у Монтескьё, является Голландия и еще в большей степени Англия. Это лишний раз свидетельствует в пользу того положения, что в Европе эпохи Просвещения идеи свободно циркулировали через границы стран и языков. Подобно тому как Дженовези в Неаполе смотрел на Лондон и Париж и доверял Кэрри и Мелону, Юсти даже еще в большей степени опирался на Монтескьё, а опыт Англии считал образцовым.

Вот как далее Юсти определяет, а переводчик передает смысл термина полиция в параграфе 262¹²: «Понятие благоустройства приемлется в тройном смысле. В пространном знаменании¹³ разумеются чрез то все государственные законы и установления о умножении общаго имения и внутренних сил, и о учинении их деятельными и соответствующими общему благу; и по сему понятию правительства попечение о купечестве градскаго и земскаго и прочаго строительства государственнаго принадлежит к благоустройству, земским называемому. В ограниченном смысле разумеется чрез благоустройство, все законы и меры правительства, дабы сохранить потребные к градскому житию доброе содержание и порядок, прокормление привести в цветущее состояние и в точное соответствие с благосостоянием одинаких родов и всего общества, и в сем смысле называется просто благоустройством. В тесном же знаменова-

¹⁰ См. обсуждение эволюции концепций полиции и полицейского государства: (Филиппов, 2012; Кильдошов, 2013).

¹¹ Собственное – в пер. 1802 г.

¹² Еще одна достаточно характерная особенность перевода: номера параграфов при переводе не совпадают. 272-й параграф в оригинале соответствует в переводе 261-му параграфу. Не совпадает нумерация книг, глав и параграфов и в четырехтомном издании Юсти (1772–1778).

¹³ Значении – в пер. 1802 г.

нии, говоря о благоустройстве, разумеется чрез оное градочиние, яко¹⁴ то: чистота, украшение и порядок в городах, присмотр над ремесленными людьми, над¹⁵ съестными припасами, над справедливыми мерою и весом, попечение о отвращении в городах всех несчастливых¹⁶ приключений, и так далее. Господин *Монтескью*¹⁷ весьма мало в сочинении своем о законах упоминает о благоустройстве...» (Юсти, 1770: 368; Юсти, 1802: II, 257–258)¹⁸ (*подчерк. – Д. Р.*). Тем самым к полиции относятся у Юсти все регулирование и устройство (законы и меры) на различных уровнях, которые способствуют увеличению благосостояния, порядка и счастья. Условно полиция распадается на экономию, собственно полицию и градочиние. Цель – общее благо, методы достижения – хорошие законы и установления на уровне государства и на местах. Общее благо сочетается с благосостоянием частных семей (Юсти, 1772: I, 7–8). Полиция, как и в других текстах, переводится как благоустройство, что заставляет весь текст звучать в «благой» тональности.

Характер перевода основных терминов и стиль перевода сохраняется и в самом крупном издании «Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния». Полиция преимущественно переводится как благочиние; соответственно, полицейские науки – как науки о государственном благочинии. Не будет преувеличением сказать, что основным способом передачи мысли Юсти на русском становится «благо», чуть реже «добро». Полиция как благочиние, благоустройство, благоучреждение стремится к общему благу и заботится о благосостоянии, благоденствии, благополучии, благонравии и благоразумии, что осуществляется через добрые законы и нравы. Типично следующее название главы: «О законодательном благоразумии в благоустройственных делах» (Юсти, 1778: IV, 45).

В многословных трактатах Юсти с огромными повторениями предшествующих трактатов, заимствованиями из других текстов тем не менее проглядывает определенная позиция, которую удалось сохранить в переводе. Это жанр назидания, советов, предписаний, который сегодня принято обозначать как нормативный. Фуко назвал это «великой дисциплинарной мечтой»¹⁹. Юсти разделяет два уровня – теории и практики, но собственно практические советы не выходят за рамки умозрительных построений, дисциплинарной мечты.

Читатель узнает очень много подробных советов, которые, скорее, отсылают по своей стилистике к «Домострою». Надо заботиться о дровах и щадить леса, в т.ч. благодаря тому, что строить печки, которые нагреваются от малого количества дров, употреблять дерн и каменный уголь; способствовать «хлебосеянию» и скотоводству; беречь «народ-

¹⁴ Как – в пер. 1802 г.

¹⁵ За – в пер. 1802 г.

¹⁶ Несчастных – в пер. 1802 г.

¹⁷ *Монтескью* – в пер. 1802 г.

¹⁸ Приводим вариант современного перевода параграфа 272: «Понятие полиции берётся в трёх различных пониманиях. В широком смысле под полицией понимаются все законы и учреждения государства, предназначенные для преумножения его общей способности и внутренних сил и для того, чтобы сделать их действительными и согласующимися с общим благом; и согласно этому пониманию попечение правительства о коммерции, о городской экономии и экономии земель, а также других экономиях государства принадлежит полиции, которую в этом отношении обыкновенно называют земельной полицией. В узком смысле под полицией понимают все законы и санкции правительства, предназначенные для поддержания хороших дисциплины и порядка, необходимых для гражданской жизни, обеспечивающих процветание продовольственного обеспечения и поставления его в должную взаимосвязь с благосостоянием отдельных семейств и общественным благом: и в этом значении название «полиция» обыкновенно используют без добавлений. Однако в самом узком понимании о полиции говорят, имея в виду только полицию в городах, а именно чистоту, красоту и порядок в городах, надзор за ремесленниками, за продуктами питания, за правильностью мер и весов, заботу о предотвращении различных несчастий в городах и многое иное: и в этом значении всегда должно использоваться наименование «городская полиция». Господин фон Монтескью, который в своём произведении о законах говорит о полиции очень мало и понимает её, очевидно, лишь в последнем значении, воспрещая большие наказания со стороны полиции, потому что люди находятся под постоянным надзором вышестоящих властей и поэтому было бы виной самих вышестоящих властей, если бы люди допускали нарушения» (Justi, 1760: 467–468).

¹⁹ Разбор актуализации камерализма в контексте концепции *gouvernementalité* Фуко требует отдельного разговора (Foucault, 2004).

ное здравие»; избегать дороговизны; строить дороги, держать города в чистоте, украшать их «статуями (истуканами)» (Юсти, 1772: I, 160–176, 449–463, 492–521).

Юсти сознает, что корыстолюбие исполнителей благочиния может перевернуть цели и задачи и превратить всенародную пользу в свою противоположность. В обширном примечании он рассуждает о том, что корыстолюбие, побочные намерения могут стать серьезной преградой. Борьба простая – доносы чиновников второго и третьего звена высшим руководителям, жесточайшие казни и достаточное жалование (Юсти, 1772: I, 39–40). Лекарством от коррупции и корысти Юсти считает патриотизм и нравственность. Воспитание управителей, управляющих, разрушающее влияние взяток, коррупции – важный элемент учения Юсти: *«Весьма удобно доказать, что нравственное состояние людей имеет великое участие как в благоденствии частных семей, так и в общественном благе. Верность к государству, любовь к отечеству, ревность и прилежание относительно к усугублению его пользе, суть крепчайшие подпоры гражданских строителств... Честность, нелицемерие, правосудие и справедливость в поступках... из сего черпают равную пользу не токмо частные семьи, но и общее благо... искоренять пороки – обман, злость, насильство и другие продерзости, и утверждать на незыблемом основании как личную, так и всенародную безопасность»* (Юсти, 1772: I, 32–33).

Юсти подчеркивает, что, в отличие от Ксенофонта, отходит от античного понимания экономики как домостроительства. Тем не менее обращение к фигуре отца показывает, что часто метафорой служит частное, единичное хозяйство, его благоразумная мудрость, тогда как в политической экономике и национальной экономике в XIX в. речь уже в большей степени будет идти об общественном хозяйстве: *«Правительство во всем подобно отцовской власти. Когда дети его, подданные, не наблюдают данных к благополучию их законов; то оно имеет и долг, и все нужные способы принуждать к тому детей своих и противу собственной их воли»* (Юсти, 1778: IV, 137–138). Подданные – хоть и свободные, но как дети, которых отец, т.е. иерархически стоящий выше их, может вразумлять и принуждать к их же благу.

Тем самым подробное знакомство с текстами переводов Юсти о камеральных науках и полиции показывает, что в русском звучании элемент нормативности еще более усиливается даже по сравнению с оригиналом. Полиция²⁰ и многие другие термины передаются на русском с помощью концептов «благо» и «добро». Это усиливает патернализм и нормативность, которые, как было показано, и так имманентно присущи повествованию. В этом последнем смысле неслучайно, что уже в XIX в. подобный подход будет критиковаться за то, что в подобных построениях из наблюдений за частным хозяйством выводятся постулаты для народного хозяйства (см. Ушинский, 1848: 45).

Кто же читал книги камералистов?

Культура цитирования того времени не позволяет даже предположить, насколько часто ссылались на работы Юсти. Образованных людей было немного, научные книги на русском языке не пользовались высоким спросом. Так, известный книгоиздатель и просветитель Николай Новиков сетовал на неподготовленность публики к научному чтению: *«на русском языке прежде почти не было полезных книг, а печатались только романы и сказки, но, однако, их покупали очень много; теперь же, когда переведены многия полезные “к украшению разума служащие” книги, их и в десятую долю против романов не покупают. Какой бы лондонский книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся? О времена. О нравы. Ободряйтесь российские писатели! Сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут»* (Семенников, 1912: 13–14). Так, в дополнение можно сказать, что издания Общества стара-

²⁰ Для справедливости следует отметить, что в первом переводе 1763 г. в главе «О союзе мануфактур и фабрик с общим состоянием и свойством государства» полиция в переводе именуется именно полицией. К примеру, когда говорится о «великой связи» «мануфактур и фабрик» с учреждением полиции, под ней Юсти подразумевает спокойствие, порядок, здоровье, «ассигурацию от пожаров», заботу о дешевизне товаров, чтобы у производителей издержки не были слишком велики (Юсти, 1763b: 336–337).

ющихся о переводе иностранных книг раскупались далеко не все. «Разговоры о хлебном торге» Фердинандо Галиани вышли в 1776 г. тиражом 300 экземпляров, а более чем через 30 лет, в 1808 г., 121 экземпляр так и не был продан (Семенников, 1913: 10–12).

В тех случаях, когда Юсти упоминается, отсылка часто идет к немецкому изданию. К примеру, Яков Павлович Козельский, работы которого вошли в избранные произведения русских писателей XVIII в., обращается к авторитету Юсти, когда формулирует собственные идеи по безопасности и военному искусству. В то же время он, в отличие от Юсти, не советует государям становиться предводителями армий, поскольку «без крайней нужды лучше управлять дома» (Козельский, 1952: 548–549). В своих политических рассуждениях Козельский ссылается на немецкий текст Юсти, ценит его наряду с Руссо и Монтескье. Вместе с тем Козельский знаком с Юсти именно по немецкому изданию, к которому и отсылает²¹.

Богатая коллекция книг Юсти на немецком (частично французском), которая хранится в российских библиотеках, подтверждает тезис о том, что оригинальные издания чаще использовались в научных целях. Так, в Российской национальной библиотеке (Императорская публичная библиотека) более 30 различных книг Юсти, изданных с 1748 по 1794 г. (часть из них поступила из библиотек Сухопутного шляхетского и Кадетского корпусов). Практически такая же крупная коллекция оригинальных текстов Юсти представлена в библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге.

Один из показателей востребованности перевода – это количество переизданий. В эту категорию практически не попадает литература по экономической тематике. Как показывает К.Д. Бугров, массовые переиздания, измеряемые десятками дополнительных тиражей, касаются в XVIII в. таких авторов, как Вольтер, Руссо, Фенелон, св. Августин. Сам автор видит несовершенство этого индикатора востребованности, поскольку Монтескье – очевидный властитель дум этого периода – не попадает, как бы мы теперь сказали, в рейтинги продаж (Бугров, Киселев, 2016). Вместе с тем надо согласиться, что книги, подобные книгам Юсти, – это заявка на массовость и воздействие не только на придворную, но и на публичную сферу.

Трудно считать адресатом книг Юсти академическое сообщество. Это подтверждается как тем, что эти переводы не попадают в цитирование, так и тем, что они не снабжены дополнительным научным аппаратом: предисловием, индексом, примечаниями, дополнениями. Главы и параграфы часто не соответствуют нумерации в оригинальном издании, индекс немецкого издания опускался, используемая терминология часто делала текст менее понятным по сравнению с немецким изданием, поэтому для образованного читателя надежнее и быстрее было ознакомиться с оригиналом.

Заключение

Переводы книг Юсти составили мощную коллекцию артефактов. Их присутствие до сих пор ощущается в библиотеках. По количеству книг и объему страниц переводы Юсти на русский язык выдвинулись на первое место, опередив переводы на французский и другие европейские языки. Если не для академического сообщества, то для административных реформ и публичного пространства книги Юсти были важным явлением. История с изданием его книг показывает, насколько огромен был интерес к многостороннему творчеству немецкого камералиста.

Не будет преувеличением сказать, что центральной темой камеральных наук у Юсти становится полиция. При передаче на русский язык термин *Policei* преобразуется в различные производные от слов «благо» и «добро». Полиция как благочиние и благоустройство должна стремиться к общему благу и заботиться о благосостоянии и

²¹ Как показывает коллекция Императорской публичной библиотеки, не только тексты Юсти, о чем была речь выше, но и книги немецких камералистов были хорошо представлены. Так, можно легко найти книги Симона Петера Гассера (1676–1745) (Gasser, 1729), Юстуса Кристофа Дитмара (1677–1737) (Dithmar, 1745) и таких чуть более поздних авторов, как Георг Генрих Цинке (1692–1768) (Zinke, 1751–1752). В электронный каталог РНБ данные издания еще не внесены.

благоденствию, что осуществляется через добрые законы и нравы. С одной стороны, такой перевод достаточно правильно передает более широкое значение термина «полиция», которое ему придавалось в XVIII в., с другой – у текстов переводов появляется еще более нормативный и приторный характер.

Судя по вниманию к переводам камералистов в типографиях Академии наук и Московского университета, академические интересы не сильно отделимы от политических и административных. Средства на перевод и заказы поступают от влиятельных особ, в некоторых случаях есть основания полагать, что от Екатерины II, графа Никиты Панина, графа Ивана Шувалова, Ивана Мелиссино. Переводят не свободные литераторы, а образованные чиновники, которые получают заказ и достаточно щедрые дополнительные ассигнования, иногда профессора Московского университета. Переводы отражали желание подражать лучшим практикам управления других монархий. В них достаточно мало академических справок, сносок, примечаний или указателей. Чаше встречаются сокращения, как в случае «Торгующего дворянства», когда была опубликована лишь треть. В красивых изданиях с кожаным переплетом русскую прописку получает сам текст. Перевод становится символом просвещенности того места, где эти тексты знают и воспроизводят не без торжественности, как в случае с четырьмя томами Юсти (1772–1778). Именно поэтому – из-за очевидного присутствия политической воли, государственного дела – не столь заметно проникновение переводов в образование и науку. Возникает ощущение, что в XIX в. о них вообще забывают. Их место остается вместе с пышной и вышедшей из моды мебелью и другими антикварными, уже безжизненными атрибутами былого величия, хотя по подражательному замыслу они должны были стать двигателями изменений и Просвещения.

Албион Смолл, создавая в начале XX в. энциклопедию камералистов, предложил разделять «камералистов книг» и «камералистов бюро». Сам Юсти, пожалуй, одинаково ярко сочетал в себе оба начала: выпускал книги, преподавал камеральные науки, но параллельно искал и находил для себя коллегии и бюро, где участвовал в управлении. В Россию Юсти не приезжал, но переводы его текстов невероятно продвинули «камерализм книг».

ЛИТЕРАТУРА

- Бильфельд, Я. Ф. (1768). *Наставления политическая*. Часть первая. М.: Императорский Московский университет.
- Бугров, К. Д., Киселев, М. А. (2016). *Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века*. Екатеринбург: Из-во Уральского университета.
- Германия (1763) // *Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах*, июль, с. 91–92.
- Готовцева, А. Г. (2017). Европейская экономическая мысль на страницах журнала Академии наук // *Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология*, (7), 9–17.
- Зонненфельс, И. (1787). *Начальные основания полиции или благочиния*. М.: Университетская типография (Н. Новикова).
- Зубков, К. И. (2013). Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // *Уральский исторический вестник*, (3), 20–29.
- Кильдюшов, О. В. (2013). Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // *Социологическое обозрение*, 12(3), 9–40.
- Козельский, Я. (1952). Философские предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Я. Козельским // *Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века*, Т. 1. М.: Гос. из-во политич. литературы.
- Мартынов, И. (1988). Иван Иванович Богаевский, с. 99–100 / В кн.: *Словарь русских писателей XVIII века*. Л.: Наука, т. 1.

- Мельникова, Н. (1966). *Издания, напечатанные в типографии Московского университета XVIII в.* М.: Издание Московского университета.
- Рак, В. Д. (1998). *Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: Иностранные источники, состав, техника компиляции.* СПб.: Академический проект.
- Расков, Д. Е. (2019). Антонио Дженовези – основатель первой кафедры политической экономики? / В сб.: В. Т. Рязанов (ред.) *Экономическая теория в Санкт-Петербургском университете: путь в 200 лет.* СПб.: Из-во СПб. ун-та.
- Сазонова, Л. И. (1988). Авраам Степанович Волков // *Словарь русских писателей XVIII века.* Л.: Наука.
- Семенников, В. П. (1912). *Раннее издательское общество Н. И. Новикова (1773 года) // Оттиск из журнала Русский Библиофил, 13–14.* СПб.
- Семенников, В. П. (1913). *Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783.* Историко-литературное исследование. СПб.
- Ушинский, К. (1848). *О камеральном образовании. Речь, произшедшая в историческом собрании Ярославского Демидовского Лицея 18-го сентября 1848 года.* М.: Университетская типография.
- Филиппов, А. (2012). Полицейское государство и всеобщее благо. К истории одной идеологии // *Отечественные записки, (2).*
- Юсти, И. Г. Г. (1763а). О нужности и пользе мануфактур и фабрик // *Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, июль, 42–68.*
- Юсти, И. Г. Г. (1763b) О союзе мануфактур и фабрик с общим состоянием и свойством государства // *Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, сентябрь, 249–265, октябрь, 335–347.*
- Юсти, И. Г. Г. (1763с). О заведении и основании мануфактур и фабрик // *Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, декабрь, 490–547.*
- Юсти, И. Г. Г. (1766). *Торгующее дворянство противуположенное дворянству военному, или два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства, чтобы дворянство вступало в купечество?* СПб.: Академия наук.
- Юсти, И. Г. Г. (1770). *Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов.* М.: Императорский Московский университет.
- Юсти, И. Г. Г. (1772). *Основание силы и благосостояния Царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния, Т. 1.* СПб.: Имп. академия наук.
- Юсти, И. Г. Г. (1775). *Основание силы и благосостояния Царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния, Т. 2.* СПб.: Имп. академия наук.
- Юсти, И. Г. Г. (1777). *Основание силы и благосостояния Царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния, Т. 3.* СПб.: Имп. академия наук.
- Юсти, И. Г. Г. (1778). *Основание силы и благосостояния Царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния, Т. 4.* СПб.: Имп. академия наук.
- Юсти, И. Г. Г. (1802). *Существенное изображение естества народных обществ и различных законов, Т. 1–2.* СПб.: Медицинский коллегийум.
- Adam, U. (2006). *The Political Economy of J.H.G. Justi.* Oxford: Peter Lang.
- Adam, U. (2009). Justi and the Post-Montesquieu French Debate on Commercial Nobility in 1756, pp. 75–98 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy: Johann Heinrich Gottlob von Justi.* Springer.

- Alimento, A. (2014). Translation, Reception and Enlightened Reform: The Case of Forbonnais in Eighteenth-Century Political Economy // *History of European Ideas*, 40(8), 1011–1025.
- Backhaus, J. G. (ed.) (2009). *The Beginnings of Political Economy: Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Clendenning, P. H. (1972). Eighteenth Century Russian Translations of Western Economic Works // *Journal of European Economic History*, Winter, 745–753.
- Dithmar, J. Ch. (1745). *Einleitung in die Oeconomische Policei und Cameral-Wissenschaften*. Frankfurt an der Oder.
- Foucault, M. (2004). *Security, Territory, Population. Lectures at the College de France. 1977–78*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Gasser, S. P. (1729). *Einleitung Zu den Oeconomischen Politischen und Cameral-Wissenschaften, Worinnen für dieses mal Die Oeconomico-Cameralia Vonden Domainen- oder Cammer- auch andern Gütern*. Halle: Verlegung des Wäysenhauses.
- Justi, J. H. G. (1756). *Der handelnde Adel, dem der kriegerische Adel entgegen gesetzt wird. handlungen über die Frage: Ob es der Wohlfarth des Staates gemäß sey, Kaufmannschaft treibe? Aus dem Französischen übersetzt und mit einer Abhandlung diesen Gegenstand versehen von Johann Heinrich Gottlob Justi*. Göttingen.
- Justi, J. H. G. (1760). *Die Natur und das Wesen der Staaten als die Grundwissenschaft der Staatskunst, der Polizey und aller Regierungs wissenschaften, desgleichen als die Quelle alle Gesetze abdehandelt*. Berlin.
- Kamendrowsky, V., Griffiths, D. M. (1978). The Fate of the Trading Nobility Controversy in Russia: A Chapter in The Relationship Between Catherine II and the Russian Nobility // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge, 26(2), 198–221.
- Nokkala, E. (2019). *From Natural Law to Political Economy: J.H.G. von Justi on State, Commerce and International Order*. Zürich: Lit.
- Raeff, M. (1975). The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *The American Historical Review*, 80(5), 1221–1243.
- Raeff, M. (1983). *The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia*. New Haven and London: Yale University Press.
- Ransel, D. (1975). *The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party*. London.
- Reinert, E. (2009). Johann Heinrich Gottlob von Justi – The Life and Times of Economist Adventurer, pp. 33–74 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The beginnings of Political Economy. Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Reinert, E., Reinert, H. (2009). A Bibliography of J.H.G. von Justi, pp. 19–31 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy. Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Reinert, S. (2011). *Translating Empire. Emulation and the Origins of Political Economy*. Cambridge and London: Harvard University Press.
- Sandl, M. (2016). Development as possibility. Risk and chance in the Cameralist discourse / In: Ph. Rössner (ed.) *Economic Growth and the Origins of Modern Political Economy. Economic reasons of state, 1500–2000*. London and N.Y.: Routledge.
- Schiera, P. (1968). *Il Cameralismo e l'assolutismo tedesco. Dall'arte di Governo alle Scienze dello Stato*. Milano: A. Giuffrè.
- Schumpeter, J. (2006). *History of Economic Analysis*. London: Routledge.
- Seppel, M., Tribe, K. (2017). *Cameralism in Practice. State Administration and Economy in Early Modern Europe*. Woodbridge: Boydell Press.
- Small, A. (1909). *The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity*. Chicago: The University of Chicago Press.

- Tribe, K. (1988). *Governing economy. The Reformation of German Economic Discourse 1750–1840*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tribe, K. (2006). Cameralism and the Sciences of the State, pp. 525–546 / In: M. Goldie and R. Wokler (eds.) *The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wakefield, A. (2009). *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice*. Chicago: University of Chicago.
- Zincke, G. H. (1751–1752). *Cameralisten-Bibliothek: worinne nebst der Anleitung, die Cameral-Wissenschaft zu lehren und zu lernen, ein vollständ. Verzeichniß der Bücher u. Schriften von der Land- & Stadt-Oeconomie, d. Policy-, Finanz- u. Cammer-Wesen zu finden*. Jakobi: Leipzig.

REFERENCES

- Adam, U. (2006). *The Political Economy of J.H.G. Justi*. Oxford: Peter Lang.
- Adam, U. (2009). Justi and the Post-Montesquieu French Debate on Commercial Nobility in 1756, pp. 75–98 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy: Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Alimento, A. (2014). Translation, Reception and Enlightened Reform: The Case of Forbonnais in Eighteenth-Century Political Economy. *History of European Ideas*, 40(8), 1011–1025.
- Backhaus, J. G. (ed.) (2009). *The Beginnings of Political Economy: Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Bielfeld, B. (1768). *Political Institutions*, p. 1. Moscow: Imperial Moscow University Publ. (In Russian.)
- Bugrov, K., Kiseliyov, M. (2016). *Natural Law and Virtue. The Integration of European Influence into the Eighteenth-Century Russian Political Culture*. Ekaterinburg: Ural University Publ. (In Russian.)
- Clendenning, P. H. (1972). Eighteenth Century Russian Translations of Western Economic Works. *Journal of European Economic History*, (3), 745–753.
- Dithmar, J. Ch. (1745). *Introduction to the Economic Policy and Cameral Sciences*. Frankfurt an der Oder. (In German.)
- Filippov, A. (2012). Police State and the Common Good. To the History of one Ideology. *Domestic notes (Otechestvennye zapiski)*, (2). (In Russian.)
- Foucault, M. (2004). *Security, Territory, Population. Lectures at the College de France. 1977–78*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Gasser, S. P. (1729). *Introduction to the Economic and Cameral Sciences*. Halle: Verlegung des Wäysenhauses. (In German.)
- Germany (1763). *Monthly writings and news of scientific affairs (Ezhemesiachnye sochine-niia i izvestiia o uchionyh delah)*, July, 91–92. (In Russian.)
- Gotovtseva, A. (2017). European Economic Thought on the pages of the Journal of Academy of Sciences. *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, Series, (7), 9–17. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1763a). On the need and utility of manufactures and factories. *Monthly writings and news of scientific affairs (Ezhemesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenyx delax)*, July, 42–68. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1763b). On the union of crafts and factories with the general condition and quality of State. *Monthly writings and news of scientific affairs (Ezhemesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenyx delax)*. September, 249–265, October, 335–347. (In Russian.)

- Justi, J. H. G. (1763c). On the establishment of manufactures and factories. *Monthly writings and news of scientific affairs (Ezhemesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenyh delax)*, December, 490–547. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1766). *Trading Nobility*. Saint Petersburg: Akademiya nauk Publ. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1770). *The essential image of the nature of popular societies and all kinds of laws*. Moscow: Imperial Moscow University Publ. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1772). *The foundation of the power and welfare of the Kings or a detailed outline of all knowledge relating to state police*, vol. 1. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1775). *The foundation of the power and welfare of the Kings or a detailed outline of all knowledge relating to state police*, vol. 2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1777). *The foundation of the power and welfare of the Kings or a detailed outline of all knowledge relating to state police*, vol. 3. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1778). *The foundation of the power and welfare of the Kings or a detailed outline of all knowledge relating to state police*, vol. 4. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1802). *The essential image of the nature of popular societies and all kinds of laws*, vols. 1–2. Saint Petersburg: Medicinskij kollegium Publ. (In Russian.)
- Justi, J. H. G. (1756). *Trading Nobility. With the introduction of von Johann Heinrich Gottlob Justi*. Göttingen. (In German.)
- Justi, J. H. G. (1760). *The nature and essence of states as the basic science of statesmanship, of the police, and of all governmental sciences, as well as the source of all laws of law*. Berlin. (In German.)
- Kamendrowsky, V., Griffiths, D. M. (1978). The Fate of the Trading Nobility Controversy in Russia: A Chapter in The Relationship Between Catherine II and the Russian Nobility. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge, 26(2), 198–221.
- Kildyushov, O. (2013). Police as a Science and Politics: on the Birth of Modern Order from Philosophy and Police Practice. *Sociological Review (Soziologicheskoe obozrenie)*, 12(3), 9–40. (In Russian.)
- Kozelskiy, Ya. (1952). Philosophical Proposals Written by the Court Counselor and the Governing Senate Secretary. *Selected works of Russian thinkers of the second half of the XVIII century (Izbrannye proizvedeniya russkix myslitelej vtoroj poloviny XVIII veka)*, vol. 1. Moscow: State Publishing House of Political Literature Publ. (Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury). (In Russian.)
- Martynov, I. (1988). Ivan Ivanovich Bogaevskij, pp. 99–100 / In: *Dictionary of the Russian writers of XVIII century*, vol. 1. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian.)
- Melnikova, N. (1966). *The Editions Published in the Eighteenth-Century Moscow University's Printing House*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russian.)
- Nokkala, E. (2019). *From Natural Law to Political Economy: J.H.G. von Justi on State, Commerce and International Order*. Zürich: Lit.
- Raeff, M. (1975). The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach. *The American Historical Review*, 80(5), 1221–1243.
- Raeff, M. (1983). *The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia*. New Haven and London: Yale University Press.

- Rak, V. D. (1998). *Russian literary collections and periodicals of the second half of the 18th century. Foreign sources, composition, compilation technique*. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt Publ. (In Russian.)
- Ransel, D. (1975). *The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party*. London.
- Raskov, D. E. (2019). Antonio Genovesi as a founder of the first Chair of Political Economy / In: V. T. Ryazanov (ed.) *Economic theory at St. Petersburg University: a journey of 200 years (Ekonomicheskaya teoriya v Sankt-Peterburgskom universitete: put v 200 let)*. Collection of articles. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ. (In Russian.)
- Reinert, E. (2009). Johann Heinrich Gottlob von Justi – The Life and Times of Economist Adventurer, pp. 33–74 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The beginnings of Political Economy. Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Reinert, E., Reinert, H. (2009). A Bibliography of J.H.G. von Justi, pp. 19–31 / In: J. G. Backhaus (ed.) *The Beginnings of Political Economy. Johann Heinrich Gottlob von Justi*. Springer.
- Reinert, S. (2011). *Translating Empire. Emulation and the Origins of Political Economy*. Cambridge and London: Harvard University Press.
- Sandl, M. (2016). Development as possibility. Risk and chance in the Cameralist discourse / In: Ph. Rössner (ed.) *Economic Growth and the Origins of Modern Political Economy. Economic reasons of state, 1500–2000*. London and N.Y.: Routledge.
- Sazonova, L. I. (1988). Avraam Stepanovich Volkov / In: *Dictionary of the Russian writers of XVIII century*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian.)
- Schiera, P. (1968). *Cameralism and German Absolutism. From the Art of Management to the Science of State*. Milano: A. Giuffrè. (In Italian.)
- Schumpeter, J. (2006). *History of Economic Analysis*. London: Routledge.
- Semennikov, V. P. (1912). Early printing house of N. I. Novikov (1773). Imprint from the journal *Russian Bibliophile (Russkij Bibliofil)*, pp. 13–14. Saint Petersburg. (In Russian.)
- Semennikov, V. P. (1913). Society aiming at the translation of foreign books, established by Catherine II, 1768–1783. Historical and literary research. Saint Petersburg. (In Russian.)
- Seppel, M., Tribe, K. (2017). *Cameralism in Practice. State Administration and Economy in Early Modern Europe*. Woodbridge: Boydell Press.
- Small, A. (1909). *The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Sonnenfels, J. (1787). *Basics of Police and Good Order*. Moscow: Universitetskii tipografiia (N. Novikov). (In Russian.)
- Tribe, K. (1988). *Governing economy. The Reformation of German Economic Discourse 1750–1840*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tribe, K. (2006). Cameralism and the Sciences of the State, pp. 525–546 / In: M. Goldie and R. Wokler (eds.) *The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ushinsky, K. (1848). On Cameral Education. (The speech that took place in the historical collection of the Yaroslavl Demidov Lyceum on September 18, 1848). Moscow: University Printing House. (In Russian.)
- Wakefield, A. (2009). *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice*. Chicago: University of Chicago.
- Zincke, G. H. (1751–1752). *Cameralisten-Bibliothek: In addition to the instruction how to teach and learn the Cameral-Sciences*. Jakobi: Leipzig. (In German.)
- Zubkov, K. I. (2013). Cameralism as a model of interaction between the state and society: a new vision. *Ural Historical Journal*, (3), 20–29. (In Russian.)